

Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения

*Сергей Борисович Россинский**

Среди всех принудительных средств, используемых в правоприменительной практике и связанных с частичным ограничением прав и свобод участников правоотношений, особое место традиционно занимали и продолжают занимать меры уголовно-процессуального принуждения. Под ними понимаются предусмотренные уголовно-процессуальным законом и применяемые на основе специальных решений субъектов уголовной юрисдикции принудительные средства внешнего воздействия на поведение участвующих в уголовном деле лиц, которые направлены на решение задач и обеспечение надлежащего порядка уголовно-процессуальной деятельности¹.

Особый характер мер уголовно-процессуального принуждения выражается в их повышенной строгости по сравнению с иными принудительными средствами (за исключением, пожалуй, мер уголовного наказания), в высокой степени публично-правового давления на поведение лиц, попавших под их действие, в ограничении наиболее важных прав и свобод, являющихся предметом международно-правового или конституционного регулирования (например, права на свободу и личную неприкосновенность, права на труд, право собственности и т.д.). И в этом нет ничего удивительного! Ведь назначение уголовного судопроизводства, связанное с потенциальным применением уголовно-правовых санкций и назначением наказания, в том числе, в

виде лишения свободы, существенно увеличивает риски неисполнения (ненадлежащего исполнения) участвующими лицами своих процессуальных обязанностей, нарушения процессуальных запретов, а также обуславливает появление различных форм противодействия проведению предварительного расследования и судебного разбирательства. По сравнению с иными сферами публичного правоприменения (административно-юрисдикционной, финансовой, налоговой и другими) такие риски являются гораздо более высокими, а формы противодействия – более опасными.

Причем на общем фоне государственного принуждения в уголовном судопроизводстве наибольшей строгостью обладают предусмотренные гл. 13 УПК РФ меры уголовно-процессуального пресечения как принудительные средства, направленные на обеспечение надлежащего поведения лиц, подвергаемых уголовному преследованию и предупреждающие самые изощренные и циничные способы воспрепятствования процессуальной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда – попытки скрыться, продолжать преступную деятельность, угрожать свидетелям и иным участникам производства по уголовному делу, уничтожать доказательства и т.д. В этой связи И.Л. Петрухин, рассматривая особое правовое значение мер уголовно-процессуального пресечения, совершенно справедливо отмечал, что их применение связано с наиболее интенсивным ограничением личной свободы, в частности права на неприкосновенность личности, беспрепятственное перемещение и выбор места жительства².

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

¹ См., например: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Саратовский университет, 1978. С. 19–20.

² См.: Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. С. 105.

Вполне естественно, что меры уголовно-процессуального пресечения (наверное, в гораздо большей степени, чем другие принудительные средства) требуют создания надлежащего уровня правовой защищенности личности, эффективных уголовно-процессуальных гарантий охраны ее прав и свобод от следственных и судебных ошибок, от возможных злоупотреблений, превышений полномочий и иных незаконных действий субъектов уголовной юрисдикции. И важнейшей из таких гарантий, несомненно, выступает обращенное к органам предварительного расследования, прокуратуре и суду требование о точном и неукоснительном соблюдении сильно формализованного процессуального порядка, установленного для избрания, изменения или отмены мер пресечения, в особенности, для заключения под стражу и домашнего ареста (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 10 УПК РФ). На данное обстоятельство совершенно справедливо обращают внимание и многие ученые-процессуалисты³.

Режим законности применения мер пресечения, как и в любом ином сегменте уголовно-процессуального регулирования, обеспечивается двумя критериями: а) материально-правовым – наличием юридических фактов, содержащихся в соответствующей правовой гипотезе; б) процессуальным – соблюдением юрисдикционной процедуры, предусмотренной соответствующей правовой диспозицией. В свою очередь, материально-правовой критерий (гипотеза) применения любой из предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом мер пресечения складывается из фактических и юридических оснований. К последним относятся определенные условия правомерности, предопределяющие законность избрания меры пресечения: наличие возбужденного уголовного дела и пребывание ее адресата в статусе обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого). Кроме того, для некоторых из мер пресечения законодатель устанавливает дополнительные условия правомерности: для заключения под стражу – особую квалификацию инкриминируемого преступления, для личного поручительства – соответствующее письменное ходатайство, для наблюдения командова-

ния воинской – статус военнослужащего илихождение лицом воинских сборов и т.д.

В этой связи весьма примечательно, что условия правомерности применения мер пресечения никогда не вызывали особого интереса у ученых-процессуалистов. В частности, правило о наличии у адресата процессуального статуса обвиняемого традиционно воспринималось как само собой разумеющееся, не требующее ни доктринального, ни иного обоснования. В многочисленных научных публикациях по данной тематике этот вопрос освещается посредством простого описания, т.е. пересказывания или цитирования уголовно-процессуального закона⁴.

На первый взгляд, здесь нет ничего странного, поскольку указанное положение вроде бы не вызывает никаких ощутимых проблем ни в теории уголовного процесса, ни в правоприменительной практике, а, наоборот, создает дополнительные гарантии защиты прав и свобод личности, поскольку исключает возможность произвольного применения мер пресечения без установления предварительной тесной процессуальной взаимосвязи лица с государством. Однако детальное исследование этих вопросов дает право контрастировать наличие существенного доктринального противоречия, которое, будучи легализованным на законодательном уровне, порождает куда весьма глубокие и серьезные практические проблемы в части нарушения прав личности. Однако для их полноценного рассмотрения следует ненадолго отвлечься от проблематики мер пресечения и сосредоточить внимание на сущности самого обвиняемого как участника уголовно-процессуальной деятельности.

К сожалению, современный уголовно-процессуальный закон не содержит четкого сущностного определения обвиняемого, указывая лишь на правовые акты, посредством которых лицо приобретает этот статус. Однако из смысла ч. 1 ст. 47 УПК РФ, находящейся в системном единстве с п. 22 ст. 5 и ст. 171 УПК РФ, напрашивается вполне обоснованный вывод, что обвиняемый – это лицо, привлеченное к уголовной ответственности, т.е. субъект, которому инкриминировано совершение определенного преступления, в отношении которого го-

³ См.: например: *Лившиц Ю.Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964. С. 13; *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: ВГУ, 1975. С. 93; *Михайлов В.А.* Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М.: Академия МВД СССР, 1991. С. 18 и многие другие работы.

⁴ См.: например: *Гуткин И.М.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М.: ВШ МООП РСФСР, 1963. С. 5; *Михайлов В.А.* Методологические основы мер пресечения. М.: Академия управления МВД России, 1998. С. 9; Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 536 и т.д.

сударством (органами, осуществляющими уголовное преследование) на основании достаточной совокупности доказательств сформулировано обвинение, «уголовный иск» – публичные требования уголовно-правового характера, которые впоследствии должны быть разрешены посредством правосудия. В контексте предварительного следствия как основной формы досудебного производства лицо признается обвиняемым путем вынесения в отношении него соответствующего постановления. При этом согласно ч. 1 ст. 171 УПК РФ подобное решение принимается при наличии достаточных доказательств, свидетельствующих о совершении этим лицом преступления, т.е. необходимой совокупности надлежащим способом собранных (сформированных), проверенных и оцененных сведений, позволяющих выдвинуть в отношении него тот самый «уголовный иск», уголовно-правовую претензию. Такая совокупность, – писала Л.М. Карнеева, – является необходимым основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого⁵.

Очевидно, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого имеет явный предварительный (досудебный) характер, а изложенная в нем обвинительная позиция является не более чем обоснованной версией одной из сторон предстоящего судебного спора. Вместе с тем, принимая такое решение, следователь как носитель публично-правовой власти, как полномочный субъект уголовной юрисдикции со своей стороны должен быть абсолютно уверен в неоспоримости выдвинутого им обвинительного тезиса, в виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния и в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела с позитивным для стороны обвинения исходом. Та же Л.М. Карнеева отмечала, что в момент привлечения человека к уголовной ответственности следователь должен быть убежден в непротиворечивости собранных доказательств, совокупность которых подтверждает сделанный им вывод, а все возникающие в связи с этим сомнения – устранены⁶.

В противном случае будет иметь место нарушение одного из концептуальных принципов уголовного судопроизводства – презумпции невиновности, а именно требования о толковании всех

неустрашимых сомнений в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). И, следовательно, любые постановления о привлечении в качестве обвиняемых, содержащие сомнительные, «натянутые» позиции, не продиктованные абсолютной внутренней непоколебимостью автора в своей правильности, т.е. обусловленные недостаточной совокупностью доказательств, изначально незаконны либо просто преждевременны.

Кстати, подобные взгляды высказывались и многими учеными, трудившимися в то время, когда ни наше общество, ни советская процессуальная наука даже и не помышляли о столь важном всеобъемлющем значении презумпции невиновности, в коем он видится современному законодателю. Так, еще М.С. Строгович в 1951 г. отмечал, что предъявленное следователем обвинение должно быть обоснованным, должно опираться на веские и проверенные доказательства. Ни в коем случае недопустимо привлечение в качестве обвиняемого на основе предположений и догадок, непроверенных или недостаточно проверенных данных и т.д.⁷ В свою очередь Н.Н. Полянский писал, что следователь обязан соблюдать презумпцию невиновности как принцип, допускающий привлечение лица в качестве обвиняемого лишь при наличии серьезных оснований полагать, что в данном случае общее предположение о законопослушности советских граждан не оправдывается⁸. Близкие по смыслу позиции выражались и Конституционным Судом РФ. В частности, в одном из его решений отмечается, что закон не допускает возможности привлечения лица в качестве обвиняемого, если вменяемые ему деяния, предусмотренные уголовным законом, не подтверждены достаточными доказательствами⁹.

Таким образом, в контексте правила о свободе оценки доказательств и положения о процессуальной самостоятельности следователя законодатель не может и не должен устанавливать какие-то ни было процессуальные сроки для наступления того кульминационного момента производства по уголовному делу, когда по его (следователя) внутреннему убеждению возникнет достаточная со-

⁵ См.: Карнеева Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого. М.: Юрид. лит., 1962. С. 6.

⁶ См.: Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: Юрид. лит., 1971. С. 128.

⁷ См.: Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1951. С. 120.

⁸ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1956. С. 186.

⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 589-О // СПС «КонсультантПлюс».

вокупность доказательств, изобличающих лицо в совершении преступления и обуславливающая его привлечение в качестве обвиняемого. Иными словами, обвинение формулируется в условиях дискретности, тогда, когда это будет продиктовано обстоятельствами конкретного дела, сложившейся следственной ситуацией.

Конечно, подобный процессуальный механизм, как и любые другие юрисдикционные процедуры, основанные на принципе свободы оценки доказательств, скрывает в себе опасность возможных злоупотреблений. К сожалению, в современной следственной практике подобные случаи остаются весьма распространенными. И в перспективе они подлежат безусловному устранению (по крайней мере, минимизации) посредством повышения профессионализма, правосознания, правопонимания и ответственности следственных работников, о чем мы неоднократно писали в других публикациях. Однако, невзирая на существующие недостатки, установленный ст. 17 УПК РФ свободный (дискретный) подход к определению обоснованности выносимых уголовно-процессуальных актов – это наиболее оптимальный способ принятия правоприменительных решений; все остальные технологии, в том числе пресловутый механизм формальной оценки доказательств, влекут гораздо большие риски необъективности соответствующих результатов. Кстати, данные вопросы по отношению к предмету настоящей статьи вообще носят более концептуальный характер; проблемы свободы оценки доказательств не ограничиваются лишь решением о привлечении в качестве обвиняемого, механизм принятия которого лишь встраивается в общую канву уголовно-процессуальной деятельности и соответствует единым подходам, определяемым современной уголовно-процессуальной политикой.

Установленная ч. 1 ст. 171 УПК РФ норма о свободном выборе следователем времени привлечения лица в качестве обвиняемого в целом согласуется с другими положениями закона: с возможностью продления сроков предварительного следствия, с правом следователя самостоятельно направлять ход расследования и т.д. Однако подобные и, как было показано выше, вполне разумные правила выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии невольно упираются, или даже разбиваются о предусмотренные гл. 13 УПК РФ процессуальные требования для избрания этому лицу меры пресечения.

Предусмотренное ч. 1 ст. 97 УПК РФ и проходящее «красной нитью» буквально через всю гл. 13 УПК РФ правовое условие о возможности применения меры пресечения лишь к обвиняемому (в исключительных случаях – к подозреваемому) фактически сводит на нет всякую свободу оценки следователем доказательств, достаточных для формирования уголовно-правовой претензии и определения времени написания соответствующего постановления. О каких дискретных полномочиях при выборе наиболее рационального и разумного момента для привлечения лица в качестве обвиняемого может идти речь, если следователю необходимо срочно избрать в отношении него меру пресечения, например, взять с него подписку о невыезде и надлежащем поведении, отдать его под присмотр родителей или под наблюдение командования воинской части, получить от него залог? Ввиду безотлагательности любой из них (а в противном случае мера пресечения, как правило, просто теряет всякий смысл) следователь вынужден предъявлять лицу обвинение в самом начале его уголовного преследования.

Особенно остро эта проблема ощущается в практике применения мер пресечения арестантского характера (домашнего ареста или заключения под стражу), избираемых, как правило, после предварительного задержания данного лица по подозрению в совершении преступления. Ввиду установленного законом короткого 48-часового срока задержания, из которого надо еще исключить время, затраченное на доставление задержанного в орган предварительного расследования, а также 8-часовой срок, оставленный для проведения судебного заседания, в распоряжении следователя для проведения всех необходимых процессуальных действий остается немногим более суток. О какой свободе оценки доказательств и обоснованности обвинения в данном случае вообще можно говорить? Успеть бы провести минимум первоначальных следственных действий, «на скорую руку» сформулировать обвинение, предъявить его обвиняемому, да подготовить в суд ходатайство об избрании меры пресечения. И еще хорошо, если по делу задержан один подозреваемый. А если их несколько?

В этой связи вспоминается случай, произошедший в нашей собственной практике во время службы в Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы. Так, сотрудниками УБЭП была пресечена деятельность организованной преступной группы, совершавшей в течение длительного

времени преступления экономической направленности на территории г. Москвы и Подмосковья. В ходе проведенной специальной операции семеро членов данной группы были задержаны, доставлены в Управление и переданы в наше ведение. Несколько отступая от научного стиля и предаваясь лирическим воспоминаниям, признаюсь честно: в тот момент я даже не думал, что собираюсь вменить им всем в вину, как буду квалифицировать их действия и т.д. Меня как следователя беспокоил только один вопрос: что, собственно, мне с ними со всеми делать и как я их всех успею «оформить». А ведь тогда законодательно был установлен более благоприятный для органов предварительного следствия режим – 72 часа с момента составления протокола задержания. Да и судебный порядок избрания меры пресечения в виде ареста не требовался; эти вопросы решались посредством прокурорского санкционирования.

Конечно, уголовно-процессуальный закон предусматривает определенный выход из всех подобных ситуаций – возможность воспользоваться правом избрания меры пресечения в отношении подозреваемого (ст. 100 УПК РФ). Кстати, в вышеописанной практической ситуации, в конце концов, и было принято подобное решение (в порядке действующей в те годы ст. 90 УПК РСФСР). Однако законодатель прямо указывает на данный механизм как на исключительный, подразумевая возможность его использования в редких, очевидно, наиболее сложных случаях, связанных, например, с большим количеством задержанных, удаленностью суда и другими нестандартными обстоятельствами. Как совершенно справедливо отмечает Л.В. Головкин, особый порядок избрания меры пресечения в отношении подозреваемого имеет технический характер и лишь подчеркивает общее правило: в нормальной ситуации для применения меры пресечения требуется сначала предъявить обвинение¹⁰.

Тем более, что предусмотренный ст. 100 УПК РФ исключительный порядок все равно не решает проблемы необоснованности обвинения, не позволяет следователю сформировать подлинно внутреннее убеждение о виновности лица и самостоятельно решить вопрос о времени его привлечения к уголовной ответственности. Этот механизм лишь предоставляет небольшую процессуальную отсрочку – 10 или 30 суток, которые на практике в слу-

чае предварительного задержания подозреваемого превращаются соответственно в 8 или 28 суток, и которых с учетом особенностей многих современных уголовных дел (например, при необходимости проведения длительной финансово-экономической или строительно-технической экспертизы, при необходимости допросов нескольких сотен свидетелей и т.п.) все равно недостаточно.

Налицо весьма парадоксальная ситуация. Трудно сказать, порождает ли правило о предварительном задержании придание адресату меры пресечения статуса обвиняемого каких-либо дополнительных процессуальных гарантий, влияет ли этот механизм на обеспечение его прав, создает ли он дополнительную защиту его свободе и личной неприкосновенности. Но посредством подобного законодательного подхода лицо испытывает гораздо большую правовую несправедливость – он становится заложником вынесенного в отношении него априорно необоснованного или преждевременного обвинения, что в конечном счете искажает весь смысл уголовно-процессуальной деятельности и противоречит ее назначению. Напомним, что согласно п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство помимо прочего имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В этой связи Л.М. Карнеева писала, что преждевременное обвинение, также, как и обвинение запоздалое, влечет нарушение прав лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, и отрицательно отражается на результатах расследования¹¹. Ф.М. Кудин вообще полагает, что необоснованное привлечение лица в качестве обвиняемого приводит к неоправданному избранию в отношении него меры пресечения¹², т.е. в контексте наших рассуждений фактически предопределяет некий замкнутый круг.

Правило, в соответствии с которым мера уголовно-процессуального пресечения может применяться лишь в отношении обвиняемого, уходит своей историей далеко в прошлое. Такой порядок был определен еще в Своде Законов Российской Империи Николая I (том 15, ч. 2 «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», ст.ст. 132, 133), перешел оттуда в ст. 416 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи

¹¹ См.: Карнеева Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого. С. 6.

¹² Кудин Ф.М. Избранные труды. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. С. 348–349.

¹⁰ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. С. 536–537.

1864 г., а затем – в ст. 145 УПК РСФСР 1923 г. и т.д. Поэтому в настоящее время уже достаточно сложно понять замысел наших достопочтенных предшественников, впервые внедривших данную норму в систему уголовно-процессуального регулирования. Тем более, что результаты наших исследований не позволяют сделать вывод о наличии у этого правила какой-либо доктринальной основы. Как уже отмечалось выше, в доступных на сегодняшний день научных публикациях, в том числе в работах дореволюционных специалистов, эти аспекты традиционно освещаются посредством переписывания закона.

В данном случае может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Дело в том, что законодательство Российской Империи в принципе не предполагало столь сильной формализации процессуального статуса обвиняемого подобно тому, как этот вопрос решается сегодня. Дореволюционный обвиняемый как бы существовал в достаточно свободной форме. В отличие от Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР и УПК РФ этим термином обозначался не строго определенный участник процесса, вовлекаемый в уголовное дело посредством специального публично-правового акта. Хотя для справедливости следует отметить, что ст. 403 Устава уголовного судопроизводства, в отличие от более ранних нормативных источников, уже регламентировала некий прообраз предъявления обвинения. Обвиняемым считался некий субъект, а точнее, даже объект познавательных изысканий, направленных на установление его причастности к преступлению. Фактически дореволюционный обвиняемый скорее напоминал сегодняшнего подозреваемого. Тогда так самим подозреваемым признавалось лицо, еще не попавшее в сферу компетенции судебного следователя и находившееся в ведении полиции, т.е. человек, которого в современной доктрине принято называть заподозренным, задержанным и т.п.

Вполне очевидно, что авторы пришедшего на смену Уставу уголовного судопроизводства первого советского Уголовно-процессуального кодекса, уже рассматривающего фигуру обвиняемого в современном понимании, регламентирующего основания и формализованную процедуру введения человека в этот статус, не учли данных обстоятельств в контексте избрания меры пресечения, не придали им важного значения, а просто перенесли в упомянутую ст. 145 УПК РСФСР 1923 г. положения отмененного царского законодательства. Тем

более, что на общем фоне достаточно репрессивных уголовно-процессуальных механизмов первых десятилетий существования Советской власти эти противоречия вряд ли вообще были столь заметны и ощутимы.

Другое дело – современная модель уголовного судопроизводства, обусловленная переходом Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, признанием приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области и т.д. При подобном подходе предусмотренная законом зависимость применения к лицу меры пресечения от факта выдвижения в отношении него обвинения не выдерживает никакой критики.

Кроме того, существующий механизм еще и сильно усложняет порядок досудебного производства, приводит к необходимости проведения дополнительных процессуальных действий, составлению лишних процессуальных документов. Для современных следователей уже обыденностью, привычкой стала сложившаяся практика, выраженная в фактически 2-этапной процедуре выдвижения в отношении лица публичной уголовно-правовой претензии. Первый этап – это так называемое первоначальное («пилотное») обвинение, набросанное «на скорую руку», не отвечающее критерию обоснованности и связанное исключительно с необходимостью применения меры пресечения. Второй этап – окончательное обвинение, сформулированное по результатам полноценно, всесторонне и объективно проведенного расследования, опирающееся на достаточную совокупность доказательств, обусловленное подлинной убежденностью следователя об изобличении лица в совершении преступления и, таким образом, предъявляемое на заключительном этапе досудебного производства.

Конечно, ч. 1 ст. 175 УПК РФ, допускающая возможность так называемого перепредъявления обвинения вполне разумна и целесообразна; в некоторых практических ситуациях она может оказаться весьма востребованной и даже необходимой. Но по смыслу закона данный процессуальный механизм носит сугубо исключительный характер. Указанная правовая норма является специальной, она не подлежит безразборному использованию по всем уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного следствия.

Признание лица обвиняемым и избрание в отношении него меры уголовно-процессуального

пресечения – это независимые друг от друга процессуальные механизмы, имеющие принципиально разные основания для применения и различную правовую природу. Предъявление обвинения и избрание меры пресечения, – пишет В.М. Корнуков, – хотя и тесно связаны между собой, представляют два различных процессуальных акта. Для привлечения лица в качестве обвиняемого необходимо установить его причастность к совершенному преступлению, а для избрания меры пресечения – располагать сведениями о том, что определенное поведение обвиняемого может помешать нормальному ходу следствия¹³. И хотя автор не предлагает каких-либо законодательных шагов в этом направлении, фактически оставаясь молчаливым приверженцем общей идеи о предъявлении обвинения как о необходимом правовом условии, порождающем возможность избрания в отношении лица меры пресечения¹⁴, его позиция в целом лежит в правильном направлении.

Таким образом, предусмотренное ч. 1 ст. 97 УПК РФ правовое условие о возможности применения меры пресечения лишь к обвиняемому на сегодняшний день является явным законодательным анахронизмом, подлежащим безусловному изменению. *Наиболее рациональным вариантом решения данной проблемы будет подход, предполагающий возможность применения меры пресечения на общих основаниях не только к обвиняемому, но и к подозреваемому.*

Представляется, что ни действующий закон, ни сложившаяся практика не содержат никаких существенных рисков нарушения прав подозреваемого в случае его «правового равенства» с обвиняемым в части возможного избрания в отношении них меры процессуального пресечения. Да и вообще предусмотренные ст.ст. 46–47 УПК РФ процессуальные статусы не имеют особых процессуальных различий, если, конечно, не считать некоторых дополнительных прав обвиняемого, касающихся окончания предварительного расследования и судебного производства – т.е. тех правоотношений, участие в которых подозреваемого невозможно исходя из самой сущности данного субъекта уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи Б.Я. Гаврилов совершенно прав, полагая, что современный законодатель по сути нивелировал разницу в правовом статусе подозреваемого и

обвиняемого¹⁵. Поэтому вполне разумно предположить, что государство, предоставляя указанным лицам практически одинаковые юридические возможности, должно устанавливать режим, предполагающий тождественные формы ограничения их прав и свобод, в частности, при избрании мер принуждения.

По крайней мере, подобные новации позволят решить поднятую в настоящей статье научно-практическую проблему, связанную с существенным нарушением прав личности, выраженном в необоснованном или преждевременном привлечении к уголовной ответственности по формальным причинам – ввиду необходимости применения меры процессуального пресечения.

Библиографический список

1. Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2.
2. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М.: ВШ МООП РСФСР, 1963.
3. Карнеева Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого. М.: Юрид. лит., 1962.
4. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: Юрид. лит., 1971.
5. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: ВГУ, 1975.
6. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Саратовский университет, 1978.
7. Кудин Ф.М. Избранные труды. Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010.
8. Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.
9. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964.
10. Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М.: Академия МВД СССР, 1991.
11. Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М.: Академия управления МВД России, 1998.
12. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989.
13. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1956.
14. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1951.

¹³ См.: Корнуков В.М. Указ. соч. С. 64.

¹⁴ См.: Там же. С. 66.

¹⁵ См.: Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2.